

R U S S I A N L I F E

1647 Divisadero Street

San Francisco, Cal.

Telephone WA 2510.

*R U S S I A N D A I L Y
M O R N I N G N E W S*

*Entered as second class mat-
ter in P. O. San Francisco,
California, under the Act of
MARCH 3, 1879.*

ПОСЛѢДНІЯ ИМЕНИНЫ ЧЕХОВА

17 января 1904 г. (по стар. стилю), т. е. ровно за десять дней до предательскаго коварнаго на паденія японцев на Порт-Артур вся интеллигентная Москва, и особенности же всегда экзальтированно настроенная учащаяся молодежь массами устремилась в Художественный театр.

Что же влекло туда москвичей? За какими новыми впечатлѣніями спѣшили они туда, какой праздник преподносили им «художественники», в этом храмѣ искусства, воздвигнутом Станиславским и Немировичем Данченко?

В этот день, в день св. Антонія, когда, по народной поговоркѣ «Антон дня добавляет» добр. геній «художественников» Антон Павлович Чехов справлял день своего Ангела, а дирекція Художественнаго театра подносила ему, а вмѣстѣ с ним и всей культурной Москвѣ пышный, великолѣпный подарок — первое представленіе Вишневаго Сада».

В то время Чехов находился в зенитѣ своей славы. Разсказами его зачитывалась вся Россія; «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка» не сходили со сцены и столичных, и провинціальных театров. Вполнѣ понятен поэту тот интерес, то нетерпѣніе, с которыми театралы ожидали дня 17 января.

Первое представленіе «Вишневаго сада» сопровождалось торжественным чествованіем автора его. Чествованіе происходило в антрактѣ послѣ третьяго — лучшаго в пьесѣ акта. На сценѣ — среди окружившей Чехова труппы Художественнаго театра — группы депутацій.

Первым приносит свое привѣтствіе депутація от общества любителей русской словесности, в составѣ В. А. Гольцева, А. Н. Веселовскаго, В. В. Каллаша. Мѣсто первой депутаціи занимает депутація от Малаго театра: Федотова, Никулина, Кондратьев и др. Затѣм В. А. Гольцев читает адрес от «Русской Мысли», «Дѣтскаго Чтенія» и «Педагогическаго Листка». Слѣдующая депутація — от Литературно-художественнаго кружка, в составѣ А. А. Желябужскаго, А. М. Кондратьева, Н. Е. Эфроса и С. А. Иванцова. Затѣм

слѣдовали адреса от періодической печати.

Вл. И. Немирович-Данченко, передавая вѣнок от «глубоко благодарнаго театра», произнес слѣдующую рѣчь:

«Милый Антон Павлович! Привѣтствія утомили тебя, но ты должен найти утѣшеніе в том, что хотя отчасти видишь, какую безпредѣльную привязанность питает к тебѣ все русское грамотное общество. Наш театр в такой степени обязан твоему таланту, твоему нѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что ты по праву можешь сказать: это мой театр. Сегодня он ставит твою четвертую пьесу, но в первый раз переживает огромное счастье видѣть тебя в своих стѣнах на первом представленіи. Сегодня же, по случайности неисповѣдим. судеб, первое представленіе совпало с днем твоего Ангела. Народная поговорка говорит: Антон — прибавленіе дня. И мы скажем: наш Антон прибавляет нам дня, а стало быть, и свѣта и радости, и близости чудесной весны».

В этот день, в день сценическаго рожденія лебединой пѣсни Чехова, навсегда облетѣли для него бѣлые цвѣты «Вишневаго сада», и на сценѣ Художественнаго театра с любимым писателем навѣки прощалась, как со знала потом, давала ему послѣднее нравственное цѣлованіе его тоже любимая Москва.

Длинной вереницей проходили еще депутаціи, мужчины в черном и дамы в бѣлых платьях, и говорили ему рѣчи, и славили, превозносили его.

В театральном залѣ шумѣла своим зеленым шумом страстная молодежь, и не было конца бурным оваціям.

А Чехов стоял смущенный и блѣдный, с улыбкой на истомленном лицѣ, и обычным для него свѣтом юмора и печали загорались через пенсне его задумчивые глаза. Он слушал хвалы и привѣтствія, и кругом него были цвѣты и лавры. Он пожимал руки мужчинам и цѣловал руки у женщин. Он слушал и часто покашливал. Его просили сѣсть в кресло: помнили, что он болен, что он слаб, и когда в адресах говорилось о его безсмертіи, слишком ясно было,

что имѣли в виду безсмертіе только духовное...

И в самом дѣлѣ, через полгода опять цвѣты и лавры, опять волнуется многотысячная молодежь, опять хвалебныя рѣчи, но все это уже... на похоронах Чехова, на кладбищѣ Московскаго Дѣвичьяго Монастыря, гдѣ в тѣсном живописном уголкѣ под тѣнью расцвѣтавшей липы, подлѣ своего отца, недалеко от близкаго ему и при жизни поэта Плещеева нашел Чехов и себѣ свой послѣдній пріют.

Туда постоянно вплоть до го

дины русскаго лихолѣтія, совершались паломничества молодежи; с сосѣдних Женских Курсов приходили на его могилу обительницы поэтическаго Дѣвичьяго Поля, юныя курсистки, его любимицы, русскія дѣвушки, сестры «трех сестер», возлагали на холодную могильную плиту свои скромныя цвѣты, пушистыя вербы и вѣтки с вишневых деревьев, и в тоскѣ думали о нем, точно слушая, как звучит его нѣжная элегія.

Д. Восходов.